

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.4

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-212-222>**Социокультурные, технологические и идеологические
предпосылки актуализации фриланса в современном обществе****В. А. Афанасьева¹, И. А. Асеева¹✉**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В статье через призму философских и социологических теорий анализируются предпосылки актуализации фриланса в современном мире, в том числе распад традиционных социальных структур, фрагментация общества, преобладание сетевых связей над классическими моделями взаимодействия. Современное общество, для которого характерны все вышеперечисленные признаки, диктует потребность в гибкости и адаптивности, и этим требованиям соответствует фриланс как новая, нестандартная форма занятости.

Целью статьи является концептуализация понятия фриланса, выявление его возможностей и рисков в современном обществе.

Задачи: раскрыть философские основания трансформации общества в постиндустриальную эпоху; показать особенности фриланса как новой формы занятости.

Методология. Теоретической основой статьи являются концептуальные труды философов и социологов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотара, М. Кастельса, З. Баумана, Д. Урри акторно-сетевая теория. Авторы проводят их анализ, сравнение и обобщение собственных выводов.

Результаты. Фриланс представляет собой преимущественно проектную форму занятости, предоставляя тем самым работникам финансовую, трудовую, географическую автономию, возможность работать в сфере интеллектуального труда и самостоятельно организовывать собственную деятельность. Однако, несмотря на все преимущества, деятельность фрилансеров сопряжена с рядом рисков. В частности, речь идет о практически полном отсутствии социальной защиты в вопросе пособий, пенсий, отпусков и т. п. для данной группы работников, рисках столкновения с мошенничеством, а также нестабильном доходе, что, в свою очередь, может послужить причиной не только финансовых, но и психологических проблем.

Вывод. Сегодня с точки зрения законодательства предпринимаются попытки вывести деятельность самозанятых фрилансеров из сектора теневой экономики, предоставить им часть социальных гарантий, но на данном этапе этих мер недостаточно.

Ключевые слова: сетевое общество; социальные структуры; традиционные институты; сетевые связи; фриланс; занятость; возможности; риски.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Афанасьева В. А., Асеева И. А. Социокультурные, технологические и идеологические предпосылки актуализации фриланса в современном обществе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 212–222. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-212-222>

Поступила в редакцию 11.02.2025

Принята к публикации 09.03.2025

Опубликована 30.04.2025

Socio-cultural, technological and ideological prerequisites for the actualization of freelancing in modern society

Valeria A. Afanasyeva¹, Irina A. Aseeva¹ ✉

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail:

Abstract

Relevance. Through the prism of philosophical and sociological theories, the article analyzes the prerequisites for the actualization of freelancing in the modern world, including the disintegration of traditional social structures, fragmentation of society, and the predominance of network connections over classical models of interaction. Modern society, which is characterized by all of the above features, dictates the need for flexibility and adaptability, and freelance as a new, non-standard form of employment meets these requirements.

The purpose of the article is to conceptualize the concept of freelancing, to identify its opportunities and risks in modern society.

Objectives: to reveal the philosophical foundations of the transformation of society in the post-industrial era; show the features of freelancing as a new form of employment.

Methodology. The theoretical basis of the article is the conceptual works of philosophers and sociologists J. Deleuze and F. Guattari, J.-F. Lyotard, M. Castells, Z. Bauman, D. Urry actor-network theory. The authors analyze them, compare them, and summarize their own conclusions.

Results. Freelancing is primarily a project-based form of employment, thereby providing employees with financial, labor, and geographical autonomy, the opportunity to work in the field of intellectual labor and independently organize their own activities. However, despite all the advantages, the work of freelancers comes with a number of risks. In particular, we are talking about the almost complete absence of social protection in the matter of benefits, pensions, vacations, etc. for this group of employees, the risks of encountering fraud, as well as unstable income, which in turn can cause not only financial, but also psychological problems.

Conclusion. Today, from the point of view of legislation, attempts are being made to remove the activities of self-employed freelancers from the shadow economy sector and provide them with some social guarantees, but at this stage these measures are not enough.

Keywords: network society; social structures; traditional institutions; network connections; freelancing; employment; opportunities; risks.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Afanasyeva V.A., Aseeva I.A. Socio-cultural, technological and ideological prerequisites for the actualization of freelancing in modern society. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):212–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-212-222>

Received 11.02.2025

Accepted 09.03.2025

Published 30.04.2025

Введение

Современное общество характеризуется структурным изменением моделей и конфигураций социальных практик и взаимодействий, что происходит под воздействием ряда метафакторов, в т. ч. глобализационных процессов, технологизации, информатизации и др. Такие изменения становятся заметными в 60-70-х годах

XX века, когда размываются границы традиционных социальных институтов, происходит распад традиционных социальных иерархий. С этим историческим периодом принято связывать и переход общества в состояние постмодерна.

Понятие постмодерна была введено в научный оборот по меньшей мере с середины 1950-х годов, однако до сих пор

имеет множество коннотаций; по мнению А. К. Якимовича, «оно прилагалось к целой совокупности художественных, интеллектуальных, научных, социопсихологических явлений эпохи постиндустриального общества» [1, с. 6]. Постмодерн нельзя отнести к обществу в целом или к какой-либо из его сфер в частности, скорее всего, он характеризует господствующую систему символов и знаков, обладающих особой спецификой для конкретного исторического периода. Постмодерн характеризует собой радикальный сдвиг в понимании социальной сферы, отвергая традиционные представления об обществе как о едином, упорядоченном и детерминированном образовании и подчеркивая его фрагментарность и мозаичность. В. Н. Волков отмечает, что в данный период вместо единой системы общество предстает как неиерархическая, не поддающаяся унификации совокупность различных, не всегда связанных между собой элементов [2, с. 3-4].

Материалы и методы

Теоретической основой статьи являются концептуальные труды философов и социологов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотара, М. Кастельса, З. Баумана, Д. Урри, акторно-сетевая теория. Авторы проводят их анализ, сравнение и обобщение собственных выводов.

Одним из ключевых понятий философии постмодерна является понятие «ризомы», введенное в 1976 г. Ж. Делезом и Ф. Гваттари во второй книге дилогии «Капитализм и шизофрения». Концепт ризомы – метафора, в переводе с французского означает «корневище», что отсылает к особому строению системы, у которой нет общего корня, но есть сеть разветвленных, хаотично расположенных корней. Ризома в эпоху постмодернизма становится радикальной альтернативой строгим иерархическим модернистским структурам. Ж. Делез и Ф. Гваттари выделяют несколько принципов ризомы [3, с. 12-21]:

– 1 и 2 – принципы соединения и неоднородности, означающие, что точки ризомы соединены между собой в хаотичном порядке, взятая отдельно точка может быть соединена с любой другой бессистемно (в отличие, например, от корня дерева, где наблюдаются иерархические связи);

– 3 – принцип множественности, обозначается авторами как отсутствие единства, которое «служило бы стержнем в объекте и разделялось бы в субъекте» [3, с. 14]. Несмотря на то, что в ризоме нет конечных точек или позиций, она воспринимается как целостность;

– 4 – принцип незначущего разрыва, означает, что при разрушении какой-либо линии ризома возобновится по другой линии и в конечном счете восстановится;

– 5 и 6 – принципы картографии и декалькомании: ризома есть не калька, а карта, сложная к повторному воспроизведению, а в большинстве случаев – не нуждающаяся в нем; ризома способна к самоорганизации со множеством входов и выходов, а потому не копирует сама себя множество раз (как, например, дерево копирует свои листья).

Так, ризома воплощает в себе множественность, запутанность, неоднородность и изменчивость; подразумевает неструктурированную систему и становится ценным инструментом мышлений о мире, однако по своей сути не может быть применена ко всем аспектам жизни.

Еще одним ключевым понятием философских изысканий Ж. Делеза и Ф. Гваттари является номад («кочевник»). У Ж. Делеза и Ф. Гваттари тема номада и номадизма занимает центральное место, особенно в рамках их совместного проекта «Номадология» [4]. Обозначим основные аспекты номадологии следующим образом: отказ от бинарных оппозиций (номад как собирательная метафора воплощает принципы плюральности и мобильности), детерриторизация и ретерриторизация, отказ от традиционных социальных форм, непрерывность

трансформаций, наличие «линий бегства», подразумевающих динамические траектории, по которым прокладывает путь номад [5].

Ризома и номадизм как важнейшие концепты второй половины XX в. иллюстрируют происходящие в обществе изменения, подчеркивая децентрализацию, разрушение традиционных иерархических форм и структур и растущую социальную мобильность, что особенно важно в контексте исследования социально-экономических трансформаций.

Иллюстрацию трансформации общества по мере вхождения его в постиндустриальную эпоху можно найти и в трудах известного постмодерниста Ж.-Ф. Лиотара. Одним из ключевых понятий, с которым работал Ж.-Ф. Лиотар, было понятие метанарратива, введенное им в работе «Состояние постмодерна». Метанарративы – это общее, универсальное объяснение или теория, претендующая на универсальность и истинность. В «Состоянии постмодерна» Ж.-Ф. Лиотар критикует идею метанарративов, или великих рассказов, утверждая, что они не способны объяснить сложность и многообразие современного динамичного мира. Он отвергает идею всеохватывающих рассказов о мире, утверждая, что реальность слишком сложна и непредсказуема, чтобы ее можно было охватить одним или несколькими метанарративами. Постмодернизм характеризуется «крахом» великих рассказов, призывает отказаться от иллюзии всеохватывающего знания и признать субъективность и относительность любых познаний. На смену метанарративам приходят так называемые «микронарративы», маленькие рассказы, которые, по Ж.-Ф. Лиотару, становятся «образцовой формой для творческого и, прежде всего, – научного воображения» [6, с. 144]. Микронарративы не претендуют на глобальность повествования и объединяют небольшие группы людей для достижения конкретных целей, при этом существуют ограниченное

время – пока эти цели не будут достигнуты. Таким образом, микронарративы олицетворяют происходящие вследствие децентрализации и роста плюрализма структурные изменения в обществе.

Свойственное для постиндустриальной эпохи стремительное развитие технологий и, как следствие, масштабные процессы социокультурной трансформации обусловили появление ряда теорий, базисом которых становятся информационные технологии. Так, например, М. Кастельс, испанский социолог, с 80-х годов XX века исследовал изменения общества под воздействием технологической революции, систематизировав и обобщив знания в концепции сетевого общества. Сеть является ключевым понятием теории М. Кастельса и представляет собой «совокупность взаимосвязанных узлов» [7, с. 37]. Любой компонент сети есть ее узел, и его значимость определяется эффективностью, т. е. величиной вклада, вносимого в сеть для достижения ее целей. Узлы имеют значение только в контексте сети, и когда узел перестает быть значимым, сеть удаляет его, добавляет новые и перестраивается. Движение информации между узлами осуществляется по каналам связи, которые и объединяют узлы в сеть.

М. Кастельс выделяет три наиболее значимые характеристики сетей:

1) гибкость (способность сети адаптироваться к изменениям среды, сохраняя свои цели, даже если отдельные элементы меняются; она обходит препятствия в коммуникации, находя новые каналы связи);

2) масштабируемость (способность сети без значительных потерь изменяться в размерах);

3) живучесть (способность сети функционировать в различных конфигурациях, так как она не имеет централизованного управления, что делает ее устойчивой к атакам, если только не уничтожены все точки соединения, т. е. узлы) [7, с. 40].

Концепцию сетей М. Кастельс применяет к исследованию общественных институтов: к экономике (концепция «информациональной экономики»), политике (теория «сетевого государства»), культуре (концепция «культуры реальной виртуальности»). Таким образом, теория сетевого общества синтезирует трансформации социальных, экономических, политических и культурных систем под влиянием сетевой логики. Само сетевое общество М. Кастельс определяет как «общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий» [7, с. 41]. В сетевом обществе управляемость в той или иной структуре достигается путем координации усилий, и практически отсутствуют отношения подчинения, социальные нормы «плывут», сдвигаются [8]. В отличие от иерархических структур, где коммуникация служит средством поддержания легитимности связей, в сетевых структурах элементы коммуницируют для координации действий, что особенно важно в контексте исследования фриланса. Концепция иллюстрирует возможности сетевой организации социума [9], примерами которой становится появление экстерриториальных корпораций, развитие нестандартных форм занятости (например, фриланса) и шеринговой экономики (экономики совместного потребления), организованных сетевым способом, что иллюстрирует и концепция номада.

Британский социолог З. Бауман, как и М. Кастельс, утверждает, что современное общество характеризуется переходом к новому типу децентрализованных, более мобильных социальных отношений и структур и уделяет внимание участникам сетей и их индивидуальным стратегиям. По его мнению, в обществе происходит процесс индивидуализации, при котором люди становятся все более

ориентированными на самореализацию и личные потребности, отказываясь от традиционных форм общности и социальной поддержки. Современное общество есть индивидуализированное общество, характерными чертами которого являются:

- «утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов» [10, с. 12-13];

- возрастание уровня неопределенности и незащищенности личности перед лицом неконтролируемых перемен;

- отказ человека от долгосрочных целей в пользу быстрых результатов.

Индивидуализация становится доминирующей ценностью, личные интересы ставятся выше общественных, а люди несут полную ответственность за собственную жизнь. В индивидуализированном обществе ослабевают социальные связи, но индивиды не изолированы друг от друга; они имеют больше свободы действий и больше возможностей, при этом должны быстро адаптироваться к новым условиям. З. Бауман считает, что тенденции индивидуализированного общества приводят к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни; происходит усложнение экономических процессов, а общество становится более фрагментированным.

Если З. Бауман указывает на атомизацию, т. е. на процесс разобщения и обособления людей, расхождения их частных интересов, ослабления и распада множества личностных и групповых связей, как на обратную сторону индивидуализации, то М. Кастельс рассматривает индивидуализм как условие и средство социального конструирования общественных связей¹. По мнению М. Кастельса, для сетевого общества характерно нарастание индивидуализма, который

¹ Гримов О. А. Социокультурные практики личности в социальных сетях: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М., 2015. 26 с.

принимает принципиально новую форму, – сетевой индивидуализм, определяемый автором как «социальная структура, а не собрание изолированных индивидуумов» [11, с. 151]. Люди сами строят сети, которые основываются на их интересах, целях, ценностях (например, тематические виртуальные сообщества). Гибкость и коммуникационные возможности Интернета детерминируют широкое распространение практик онлайн-социального взаимодействия в современном мире [12].

Еще одна теория, фокусирующаяся на меняющемся характере социальных связей в современном обществе, принадлежит британскому социологу Д. Урри. В работах он систематизирует «новую парадигму мобильностей» и дает определение самому понятию: «мобильность – реальные и потенциальные перемещения в их связи с социальными отношениями в пространстве и времени» [13, с. 21]. Позднее автор говорит о виртуальных мобильностях, возникающих с быстрым развитием телекоммуникационных технологий и появлением Интернета и характерных для информационного общества на рубеже XX-XXI вв. Виртуальная мобильность позволяет человеку перемещаться в виртуальном пространстве, не перемещаясь физически, при этом, с одной стороны, преодолеваются географические барьеры, повышается уровень доступа к информации и образованию, а с другой – происходит социальная изоляция. Как считает А. В. Ходыкин, «преодоление сопротивления физического пространства осуществляется за счёт его замещения виртуальным аналогом, путешествовать в котором значительно проще» [14, с. 582]. Д. Урри утверждает, что в виртуальных сообществах сама идентичность человека становится мобильной, превращая его в цифрового кочевника, поскольку у пользователей появляется возможность устанавливать случайные контакты с другими акторами без по-

следствий. Так, в условиях виртуальной мобильности человек может конструировать свою личность любым желаемым образом [15].

С конца 1970-х появляется и популяризуется акторно-сетевая теория (*англ.* Actor-network theory, ANT), разработанная совместно Б. Латуром, М. Каллоном и Д. Ло. Акторно-сетевая теория представляет собой подход в социальных исследованиях, который фокусируется на взаимосвязях между людьми, объектами и технологиями. Вместо того чтобы рассматривать людей как единственных агентов действия, акторно-сетевая теория идентифицирует как акторов все, что способно изменять сеть, вне зависимости от того, человек это или вещь. В контексте акторно-сетевой теории действие рассматривается как социальный факт, не зависящий от степени осознанности, где практически исчезают субъект-объектные отношения, и именно поэтому равноправными акторами признаются люди и «не-человеки» («non-human»).

Обращение к акторно-сетевой теории становится необходимым, так как в изменяющемся обществе, когда границы между группами становятся неопределёнными, а при исследовании того или иного социального явления количество связей между акторами становится слишком большим и неустойчивым, уже нельзя систематизировать эти связи и действия, определить их форму или сочетаемость; возникает необходимость анализа явлений без стандартизации и приведения к определенному порядку. Значительный вклад Д. Ло (как еще одного основоположника акторно-сетевой теории) заключается в том, что он применил ее к исследованию социальных явлений, в частности в области медицины, экономики, образования и науки. Более того, именно Д. Ло работал над территориальным распространением акторно-сетевой теории, не допустив ее превращения «в косную идеологию» [16, с. 38].

Результаты и их обсуждение

Фриланс как новая форма занятости в современном обществе

Изменение характера взаимодействий между акторами и распад традиционных структур приводят к изменениям во всех сферах общественной жизни. Рынок труда с начала XXI в. претерпевает значительные изменения. По мнению В. С. Харченко, «в настоящее время в связи с эффектами постиндустриализма меняется само содержание труда, в котором увеличивается интеллектуальная составляющая, связанная с производством и обработкой информации» [17, с. 54]. Появляются более гибкие, нестандартные формы занятости, которые не вписываются в рамки традиционных трудовых отношений. Одной из таких форм является фриланс.

Существует множество определений понятия «фриланс» [18, с. 82; 19, с. 13; 20, с. 18], из которых в совокупности можно выделить характерные черты фриланса как формы занятости: 1) самозанятость; 2) удаленность; 3) отсутствие официального оформления; 4) применение информационно-коммуникационных технологий. Исходя из этих характеристик сформулируем следующее определение: фриланс – это нестандартная форма трудовой деятельности, характеризующаяся самозанятостью и удаленностью от офиса или другого официального места работы, при отсутствии официального оформления трудовых отношений и с применением дистанционных информационно-коммуникативных технологий.

Выделим особенности фриланса:

1) фриланс представляет собой такую модель деятельности, при которой классическая схема занятость-безработица неактуальна, поскольку образ жизни фрилансера предполагает временную, преимущественно проектную занятость, не обеспечивающую стабильность, в т. ч. в получении дохода;

2) фриланс представляется наиболее успешной формой занятости при совме-

щении деятельности в нескольких его сферах, а также при успешном индивидуальном тайм-менеджменте, что позволяет фрилансеру сохранять баланс между свободой и получением доходов;

3) эффективность занятости на фрилансе коррелирует с репутацией личности в практикуемой профессиональной области, что проявляется через построение и обновление портфолио фрилансера вместе с полученными рекомендациями от клиентов;

4) квалификация и профессионализм фрилансера оцениваются через портфолио, доступное для просмотра заказчику и позволяющее оценить компетенции исполнителя на примере конкретных проектов;

5) с точки зрения традиционного общественного уклада фриланс не подразумевает линейную траекторию развития карьеры, так как сама занятость – проектная, поэтому мобильность имеет горизонтальный характер, связанный с накоплением знаний и опыта. С современного ракурса можно отметить и возникновение вертикальной мобильности, не встроенной в традиционные институты;

6) для фриланса характерны особые тактики профессионализации, в частности, построение персонального бренда и развитие специализированных навыков [17, с. 54]. Дополним также, что происходит расширение сфер и компетенций деятельности фрилансеров. Так, например, в последние годы на рынке труда фрилансеров появились профессиональные сферы, связанные с искусственным интеллектом, чего ранее не существовало.

Возможности и риски фриланса как формы занятости

Сегодня фриланс становится наиболее привлекательной и, что самое главное, выгодной формой занятости. Его характерными чертами становится высокая адаптивность, снижение издержек и более высокий доход в сравнении с традиционными формами занятости, возможность реализации творческого потенциа-

ла. Ряд возможностей, которые обретаются фрилансером, можно представить следующим образом:

1) автономия, в т. ч. трудовая (выбор заказов), рыночная (выбор заказчиков), финансовая (неограниченное число источников дохода и самостоятельная оценка стоимости своего труда), социальная (без привязки к культуре конкретной организации). Это значит, что фрилансер обладает широкой свободой действий практически во всех аспектах своей занятости: он может самостоятельно выбирать работодателя, проекты, организовывать время и рабочее место, иметь несколько источников дохода, не зависеть от конкретной организации и ее внутренней культуры. Независимость отличает фрилансера от наемного работника, который подчинен правилам и приказам от руководства и подвержен социальному давлению. Однако широко распространена практика, когда недобросовестные работодатели выводят своих сотрудников из штата и нанимают их как независимых фрилансеров, сокращая тем самым расходы на налоги, что существенно ограничивает автономию;

2) индивидуальная занятость – фрилансер не состоит в штате, он трудится индивидуально и самостоятельно реализует на рынке свой продукт или услугу. Важное отличие фрилансера от предпринимателя заключается в том, что фрилансер не создает организации и не нанимает персонал;

3) интеллектуальный труд – фрилансеры заняты в программировании, дизайне, маркетинге, переводческой деятельности, менеджменте, консалтинге и ряде других сфер. В широком смысле людей, задействованных в данных областях, можно охарактеризовать как работников интеллектуального труда. Они предлагают услуги, но не производят и (или) продают товары; их работа заключается в анализе и создании информации, а результаты их труда представлены в виде нематериальных ценностей. Фрилансе-

ры, реализуя на рынке собственные профессиональные навыки, систематически занимаются профессиональной деятельностью (стоит упомянуть о том, что на рынке фрилансеров осуществляют деятельность исполнители разной степени вовлеченности (ввиду разной мотивации), т. е. некоторые фрилансеры ведут именно эпизодическую деятельность, выполняя небольшое количество заказов.

Действительно, фриланс предоставляет работнику много преимуществ – независимость, минимальный уровень контроля, географическую, трудовую, финансовую автономию. Но необходимо отметить, что деятельность фрилансеров сопряжена с рядом рисков.

Во-первых, фрилансеры социально не защищены. Зачастую, как уже было сказано, деятельность фрилансеров не закреплена официально. Как работники без официального оформления они не могут претендовать на ежегодный оплачиваемый отпуск, на больничные, декретные, а также на пенсию, кроме минимальной социальной (при условии, что сами не будут отчислять средства в свой пенсионный фонд). Как следствие, фрилансеры в случае, например, болезни теряют часть своего дохода, которую ни государство, ни работодатель не возмещает.

Во-вторых, сам доход фрилансеров ввиду того, что их занятость в большинстве случаев носит проектный характер, нестабилен. Мы можем назвать фрилансеров финансово уязвимой категорией работников, потому как их доход в значительной степени зависит от экономической, политической обстановки в государстве и, кроме того, не обладает устойчивостью к финансовым кризисам, периодам безработицы.

В-третьих, ответственность за юридическое оформление деятельности лежит на самих фрилансерах, откуда следует и еще одна проблема – мошенничество работодателей в поле взаимодействия с фрилансером.

В-четвертых, необходимость самостоятельно организовывать рабочее место, рабочее время, планировать расходы при условии отсутствия стабильного дохода могут привести к ухудшению эмоционального состояния фрилансера, а также к выгоранию.

Выводы

Таким образом, вторая половина XX в. характеризуется возникновением теорий, основные идеи которых имеют ряд объединяющих их особенностей. Во-первых, сходство обнаруживается в идее распада традиционных иерархических структур, вследствие чего происходит фрагментация общества и модернизация традиционных форм взаимодействий, на смену которым приходят сетевые связи, где акторы могут быть не подчинены друг другу и связаны случайным образом. Во-вторых, в теориях подчеркивается гибкость, мобильность и динамичность постиндустриального общества, которые обеспечивают расширение и размывание границ традиционных социальных институтов, а также возникновение других форм взаимодействия между людьми. В-третьих, человек становится актором, «узлом» сети и приобретает новые качества – мобильность, высокую

адаптивность. Таким образом, гибкость постиндустриального общества создает запрос на изменение практик взаимодействия, формирует принципиально новые паттерны поведения во всех сферах жизни индивидов и создает иную социальную инфраструктуру, включающую, в свою очередь, и децентрализацию рынка труда.

Фриланс как новая, нестандартная форма занятости полностью отвечает запросам гибкости и адаптивности, сочетая в себе трудовую, финансовую и социальную автономию работника. При этом деятельность фрилансера сопряжена с рядом рисков: отсутствие стабильного дохода и социальных гарантий, социальная, юридическая и экономическая незащищенность, недобросовестность заказчиков, сложности в официальном оформлении своей деятельности, вероятность низкой гражданской ответственности, неуверенность в завтрашнем дне.

Фриланс как относительно новая, нестандартная форма занятости еще не имеет достаточной законодательной базы, что, с одной стороны, сочетает в себе и возможности (например, с точки зрения полной автономии работника), а с другой – вполне реальные угрозы, мешающие распространению этой трудовой практики.

Список литературы

1. Якимович А. К. Постмодерн // Вестник культурологии. 2010. № 1. С. 5-18.
2. Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 3-8.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. 895 с.
4. Deleuze G., Guattari F. Nomadology: The War Machine. Seattle, WA: Wormwood Distribution, 2010. 103 p.
5. Шляков А. В. Номадическая топология постмодерна // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 251-253.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, 1998. 160 с.
7. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

8. Гримов О. А., Белкина В. А. Индивидуальные стратегии медиаактивности интернет-пользователей // *Цифровая социология*. 2022. Т. 5, № 4. С. 38-47.
9. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевая цивилизация и природа большого антропологического перехода // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2021. Т. 11, № 1. С. 220-231.
10. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
11. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
12. Асеева И. А. Человек и общество в медиаэкосистеме: стратегии адаптации и преадаптации // *Наука. Общество. Государство*. 2023. Т. 11, № 4 (44). С. 76-88.
13. Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
14. Ходыкин А. В. Социологический анализ распространения виртуальных мобильностей как формы виртуализации пространственных перемещений (на основании социологии мобильностей Джона Урри) // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2020. Т. 45, № 3. С. 579-588.
15. Асеева И. А. Кривое зеркало цифровизации // *Вопросы философии*. 2024. № 2. С. 25-33.
16. Руденко Н. И. Сети, знание и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло // *Социология власти*. 2012. № 6-7. С. 38-51.
17. Харченко В. С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // *Социологические исследования*. 2014. № 4(360). С. 54-63.
18. Гурова М. И. Феномен «Фриланс» в социально-профессиональной структуре современной России // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 6. С. 79-83.
19. Чаплашкин Н. В. Социальная сущность фриланса в России и его специфика // *Российский академический журнал*. 2011. Т. 18, № 4. С. 13-16.
20. Сорокина А. Н. Современные подходы к определению понятия «фриланс» и его классификации // *Проблемы современной экономики (Новосибирск)*. 2013. № 11. С. 16-20.

References

1. Yakimovich A.K. Postmodernity. *Vestnik kul'turologii = Bulletin of Cultural Studies*. 2010;(1):5-18. (In Russ.)
2. Volkov V.N. Postmodernity and its main characteristics. *Kul'turnoe nasledie Rossii = Cultural Heritage of Russia*. 2014;(2):3-8. (In Russ.)
3. Deleuze J., Guattari F. A Thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia. Moscow: Astrel'; 2010. 895 p. (In Russ.)
4. Deleuze G., Guattari F. Nomadology: The War Machine. Seattle, WA: Wormwood Distribution; 2010. 103 p.
5. Shlyakov A.V. Nomadic topology of postmodernity. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2015;(18):251-253. (In Russ.)
6. Lyotard J.-F. The state of postmodernity. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; 1998. 160 p. (In Russ.)
7. Castells M. The power of communication. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki; 2016. 564 p. (In Russ.)
8. Grimov O.A., Belkina V.A. Individual strategies of interactivity of Internet users. *Cifrovaya sociologiya = Digital Sociology*. 2022;5(4):38-47. (In Russ.)
9. Arshinov V.I., Budanov V.G. Network civilization and the nature of the great anthropological transition. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika*.

Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Menedgment. 2021;11(1):220-231. (In Russ.)

10. Bauman Z. Individualized society. Moscow: Logos; 2005. 390 p. (In Russ.)

11. Castells M. The Galaxy of the Internet: Reflections on the Internet, Business and society. Yekaterinburg: U-Faktoria; 2004. 328 p. (In Russ.)

12. Aseeva I.A. Man and society in the media ecosystem: strategies of adaptation and pre-adaptation. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State.* 2023;11(4):76-88. (In Russ.)

13. Urri D. V. Moscow: Praksis; 2012. 576 p. (In Russ.)

14. Khodykin A.V. Sociological analysis of the spread of virtual mobility as a form of virtualization of spatial movements (based on John Urry's sociology of mobility). *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo = NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right.* 2020;45(3):579-588. (In Russ.)

15. Aseeva I.A. The crooked mirror of digitalization. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy.* 2024;(2):25-33. (In Russ.)

16. Rudenko N.I. Networks, knowledge and reality: problems of social topology in the concept of John Law. *Sociologiya vlasti = Sociology of Power.* 2012;(6-7):38-51. (In Russ.)

17. Kharchenko V.S. The lifestyle of Russian freelancers: a sociological analysis. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research.* 2014;(4):54-63. (In Russ.)

18. Gurova M.I. The phenomenon of «Freelancing» in the socio-professional structure of modern Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development.* 2012;(6):79-83. (In Russ.)

19. Chaplashkin N.V. The social essence of freelancing in Russia and its specifics. *Rossiyskiy akademicheskij zhurnal = Russian Academic Journal.* 2011;18(4):13-16. (In Russ.)

20. Sorokina A.N. Modern approaches to the definition of the concept of «freelancing» and its classification. *Problemy sovremennoj ekonomiki (Novosibirsk) = Problems of Modern Economics (Novosibirsk).* 2013;(11):16-20. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Афанасьева Валерия Александровна, магистрант кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: afanasyeva.val.2002@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0713-0687

Valeria A. Afanasyeva, Undergraduate of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: afanasyeva.val.2002@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0713-0687

Асеева Ирина Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4172-7762

Irina A. Aseeva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4172-7762